

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.83

Г. Г. Богомазов

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Настоящая статья посвящена анализу истории российской экономической науки во втором и третьем десятилетиях XX в. Речь идет, прежде всего, о сложной судьбе отечественных ученых в первые годы советской власти, когда научное сообщество в России распалось на две части и значительная доля крупнейших ученых-экономистов вынужденно оказалась за ее пределами. Это была невосполнимая потеря для теории и практики хозяйствования для России XX в. Русские ученые в эмиграции проводили свои научные исследования преимущественно критического характера по экономическим проблемам советской России, результаты которых оставались невостребованными и неизвестными на Родине.

В то же время в пределах России новая власть активно выступала за монополизацию марксизма как единственно научного направления в общественных науках и достигла этого уже к концу 1920-х годов. Это серьезно сократило возможности научного творчества отечественных ученых и нередко приводило к схоластике и догматизму. Библиогр. 27 назв.

Ключевые слова: история экономических учений, история российской экономической науки, русская экономическая эмиграция, теория логической и практической неосуществимости социализма.

G. G. Bogomazov

RUSSIAN ECONOMIC SCIENCE DURING EMIGRATION OF 1920–1930s

This article is devoted to the history of Russian economic science during the second and third decades of the 20th century. First of all it is about the difficult fate of Russian pre-revolutionary economic science in the early years of Soviet regime, when the national economic science world was divided into two parts, when many of the greatest scientists of the country were forced to leave the country. It was an irreplaceable loss for the science and practice of economic management in Russia of the 20th century. Scientists of Russian economic emigration continued their research primarily on the economic problems of the Soviet Russia, the results of which have remained unclaimed and unknown at their homeland.

Геннадий Григорьевич БОГОМАЗОВ — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; g.bogomazov@spbu.ru

Gennadii G. BOGOMAZOV — Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199134, Russian Federation; g.bogomazov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

At the same time in Russia the new government actively pursued a policy of monopolization of Marxism as the only scientific direction in the social science; this fact severely reduced the possibilities of scientific work of Russian scientists and often led to scholasticism and dogmatism. Refs 27.

Keywords: the history of economic thought, the history of Russian economic science, Russian economic emigration, theory of logical and practical impossibility of socialism.

Введение

История экономической науки в России, как и в других странах, была тесно связана с общегражданской историей страны и теми ее этапами, которые определяли основные социальные и политические характеристики общества. Одним из кардинальных событий истории явилась Октябрьская революция 1917 г., круто изменившая практически все параметры жизни страны. Это не могло не сказаться и на судьбе общественных наук, в том числе экономической науки. В ходе революции и Гражданской войны сформировавшееся сообщество российских ученых-экономистов распалось на две части, каждая из которых, как покажет жизнь, не имела большой исторической перспективы для научной деятельности.

Известно, что революционные события в России вызвали один из крупнейших в истории Европы миграционный процесс. В годы Первой мировой войны и особенно после Октябрьской революции и Гражданской войны из России эмигрировали, по данным Лиги Наций, 1 млн 160 тысяч человек, по другим оценкам — около 2 млн. В рядах эмигрантов были военные, государственные деятели и представители сферы искусства, предприниматели, инженеры и ученые. Без преувеличения можно сказать, что это была значительная часть того относительно тонкого слоя интеллектуальной элиты России, которая и обеспечивала ее хотя и не очень быстрый, но реальный экономический, социальный и культурный прогресс в начале XX в. При этом большие потери понесла отечественная наука в целом и экономическая наука в частности. Значительная часть наиболее известных ученых оказалась за пределами своей Родины. Среди них можно назвать таких экономистов-эмигрантов, как А. Н. Анциферов, А. Д. Билимович, Б. Д. Бруцкус, В. С. Войтинский, Б. П. Вышеславцев, П. И. Георгиевский, С. С. Маслов, С. О. Загорский, С. Н. Прокопович, П. Б. Струве, А. А. Чупров. Но было много и тех ученых, которые, несмотря ни на что, не хотели покидать Родину. К их числу относились С. Н. Булгаков, М. И. Боголепов, Б. Д. Бруцкус, А. И. Буковецкий, В. Я. Железнов, Н. А. Каблуков, З. Каценеленбаум, Л. Б. Кафенгауз, Н. Д. Кондратьев, И. М. Кулишер, П. И. Лященко, Н. П. Макаров, А. А. Мануилов, Л. В. Некраш, И. Х. Озеров, С. А. Первушин, С. Н. Прокопович, Я. С. Розенфельд, В. В. Святловский, С. И. Солнцев, В. Н. Твердохлебов, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, В. М. Штейн, Л. Н. Юровский и многие другие. Дело в том, что на первых порах основная масса русской научной интеллигенции — и той ее части, которая осталась в стране, и той, которая оказалась за рубежом, — была склонна воспринимать революцию как своеобразный исторический зигзаг, не имеющий длительной перспективы. Людям трудно было поверить в прочность новой власти. Они полагали, что эта революционная смута вскоре пройдет, страна возвратится на путь, как они говорили, «естественного развития», и потому заняли выжидательную позицию. И прежде всего в силу этого многие из них были готовы сотрудничать с новой властью во имя хозяйственного и культурного возрождения страны. В среде ученых немарксистской ориентации в первые годы советской вла-

сти сначала в России, а затем и в кругах русской эмиграции возникло даже целое течение, так называемое сменовеховство, сторонники которого призывали соотечественников к сотрудничеству с советской властью в целях выведения страны из хозяйственного и культурного кризиса. Свое название это движение получило по названию журнала «Смена вех», который издавался в Праге группой русских эмигрантов, выдвигавших идеи сотрудничества с советской властью. В первом номере журнала «Смена вех» говорилось: «Третьей России не будет. Кризис кончился. Положение определилось. Или признайте эту ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России... Третьей революции не будет» [Смена вех, 1921, с. 90].

Это, конечно, не означало, что представители сменовеховства встали в ряды сторонников новой власти, они вовсе не призывали к ее поддержке и укреплению, скорее, наоборот. «Какими путями пойдет русский революционный процесс дальше, — писали они, — какие руководящие идеи в нем, в конце концов, восторжествуют, и в чем выразится происходящий в толще народа психологический сдвиг, — предугадать пока невозможно» [Знамение времени, 1920].

Далеко не все ученые и специалисты, работавшие в России или за рубежом, разделяли идеи сменовеховства. Более того, часть из них восприняли его с негодованием. Так, наиболее последовательный противник марксизма и советской власти П. Б. Струве писал, что сменовеховство — это «самое чудовищное явление в истории духовного развития России», что это «хамское и трусливое» приспособление к большевистскому режиму [Струве, 1922, с. 227–228].

К сожалению, этот сложный и во многом губительный для отечественной экономической науки период ее истории изучен в нашей современной науке крайне слабо, прежде всего, применительно к русской экономической эмиграции. Как правило, широкой научной общественности не известны труды русских ученых, работавших в эмиграции, хотя многие из них и сегодня не утратили своего научного и исторического значения. В числе немногих современных авторов, успешно занимающихся изучением экономических исследований ученых русского зарубежья, можно назвать, прежде всего, таких петербургских ученых, как Э. Б. Корицкий и Г. В. Нинциева [2000].

1. «Нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию...»

(В. И. Ленин)

В целом отечественная экономическая мысль имеет весьма богатую интересную историю и зародилась она достаточно давно, как минимум во времена И. Т. Посошкова и даже раньше, и мы с благодарностью вспоминаем имена таких отечественных мыслителей, как А. Л. Ордын-Нащокин, Ф. Салтыков, А. Курбатов, Д. Воронин, М. В. Ломоносов, Н. С. Мордвинов, Н. И. Тургенев и многих других. Однако в те далекие времена их идеи, при всей их ценности, не представляли собой научной системы экономических знаний.

Уместно вспомнить и о древних письменных документах восточных славян, в которых прописывались определенные нормы их хозяйственной жизни, такие, например, как «Домострой», «Русская Правда», «Киево-Печерский Патерик», «Слово Иоанна Златоуста о воздержании». Особый интерес все они представляют в свя-

зи с тем, что в них органически сочетались устанавливаемые нормы хозяйственной деятельности и нормы морали, нравственности, которые предписывалось при этом соблюдать.

Поистине широкий размах теоретико-экономические исследования в нашей стране приняли только в период активного перехода российской экономики на капиталистические рельсы хозяйствования, т. е. во второй половине XIX в., в так называемый пореформенный период. Именно тогда и началось формирование отечественной системы экономических знаний как науки политической экономии.

Этот период интересен тем, что в 60-е–90-е годы XIX в. отечественная экономическая мысль еще не сформировалась и ученые находились в состоянии поиска, что объяснялось переходным состоянием не только экономики, но и общества в целом. Основное внимание ученых-экономистов было сосредоточено на вопросах о крестьянском и помещичьем землевладении, налогах и повинностях крестьян, последствиях крестьянской реформы 1861 г. и, что особенно важно, на изучении перспектив русского национального хозяйства и будущего общественно-экономического устройства страны.

Рассмотрение вышеперечисленных и других вопросов зачастую строилось на теоретических основах, близких к буржуазной классической политической экономии. И это понятно, поскольку история последней непосредственно связана с разложением феодализма, становлением и развитием капитализма. Данный процесс происходил и в России, в связи с чем идеи классиков были созвучны проблемам, наступившим в то время в стране. На этой теоретико-методологической базе сформировалось *либерально-демократическое, или буржуазно-демократическое, направление*, представители которого не видели иных перспектив для страны, кроме капиталистического пути развития. Такой подход развивали в основном университетские ученые, но не только они. В его рамках в 90-е годы XIX в. возникло целое течение общественной мысли, известное в науке как «легальный марксизм». Оно было представлено прежде всего молодыми российскими интеллектуалами — экономистами, философами, историками, активно защищавшими идеи необходимости капиталистического направления развития страны.

Вместе с тем развивались и другие взгляды на исторические перспективы России. Так, еще в 60-е годы XIX в. возникло *народничество* (революционное, а затем либеральное). Это был своеобразный вариант утопического социализма, рожденного на российской почве. Оно сыграло в те годы большое эмоциональное и практико-революционное значение в истории страны. Его идеологи всецело основывали свое понимание будущего России на идеях крестьянского социализма А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и полагали, что революционным путем с помощью террора или посредством реформирования политической и экономической системы страны можно было быстро перейти к социализму, минуя капитализм.

И, наконец, в 1870-е годы в России *возникает марксистское, а точнее, социал-демократическое направление*. Естественно, что его представители, следуя логике К. Маркса, полагали, что социализм в России, как и в любой другой стране, можно строить, только пройдя капиталистическую стадию развития.

К концу XIX в. самой логикой исторического развития страны вопрос был решен. Уверенно следуя по пути капитализма, уже в 1890-е годы Россия достигла среднего уровня его развития и даже сделала первые шаги в направлении монопо-

листического капитализма. В связи с этим народничество уходит в историю, и на арене идейно-теоретической борьбы остаются марксизм и буржуазно-демократическое направление.

Октябрьская революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям в состоянии отечественной экономической науки. На повестку дня новая власть поставила задачу обеспечения монопольного положения марксизма в отечественной экономической науке, который становится отныне государственной идеологией. На этом эпоха плюрализма идей и мнений не только в экономической, но и в других общественных науках должна была бы уйти в историю. Однако сразу это не могло произойти. Дело в том, что своих кадров ученых-обществоведов новая власть практически не имела. К тому же положение в стране было настолько сложным, что нужно было серьезно заняться налаживанием ее хозяйственной жизни. Поэтому новой власти не оставалось ничего другого, как прибегнуть к помощи специалистов и ученых, учившихся и работавших в условиях совершенно другого общественного строя. Тем более что они не были пришельцами извне, преимущественно это были блестяще образованные люди, которые хорошо знали родную страну, особенности и проблемы ее хозяйственной жизни.

Многие представители новой власти прекрасно понимали, что привлечение на свою сторону ученых и специалистов, сформировавшихся в дореволюционное время, исключительно важно как с политической, так и с практико-хозяйственной точки зрения. Вот почему уже 15 ноября 1917 г. советское правительство в лице комиссара по просвещению А. В. Луначарского выпускает обращение «Ко всем учащим». В нем говорилось о лучших традициях русской интеллигенции и содержался призыв к ученым и специалистам руководствоваться гражданским долгом и направить знания и силы на хозяйственное и культурное возрождение страны.

В. И. Ленин, как глава государства, совершенно определенно говорил о необходимости привлечения к хозяйственному строительству дореволюционных ученых и специалистов. Он писал, что перед советской властью стоит «трудная и новая, но чрезвычайно благодарная задача» соединения опыта и знаний, имеющихся у ученых и специалистов дореволюционной России, «с самостоятельностью и энергией, работою широких слоев трудящихся масс» [Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, с. 138]. В одном из партийных документов того времени мы также читаем о том, что нужно встать на путь «немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазным мирозерцанием и навыками» [КПСС в резолюциях... 1970, с. 52].

Таким образом, власть, казалось бы, прекрасно понимала цену того интеллектуального богатства, которое было накоплено в России и которым нужно было грамотно и по-хозяйски распорядиться. Однако решение задачи практического использования этих ученых и хозяйственников серьезно осложнилось, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, значительная часть представителей новой власти, особенно те из них, кто был увлечен левокоммунистической идеологией, не доверяли ученым немарксистских убеждений, относились к ним враждебно и исключали возможность использования их знаний и опыта в деле экономического возрождения страны (уместно заметить здесь, что они были лишены даже ряда политических прав, в частности, избирательного права). Во-вторых, эти ученые

и специалисты, как правило, не разделяли идеи построения ни социализма, ни, тем более, коммунизма. В революции они увидели только национальную трагедию, хаос и разрушение.

О настроениях значительной части русской интеллигенции в то время свидетельствует, например, содержание речи неперменного секретаря Российской Академии наук академика С. Ф. Ольденбурга, ставшего впоследствии крупным советским ученым. 20 декабря 1917 г. на торжественном годичном собрании Академии наук он говорил: «Было бы малодушием не смотреть правде в глаза и не признать теперь, что русский народ не выдержал великого исторического испытания и не устоял в великой мировой борьбе: темные невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели» [Отчет о деятельности... 1917, с. 5].

Тем не менее, и в силу неверия в прочность советской власти, и в силу естественной привязанности к своей стране большая часть ученых не покинула ее пределы и продолжала трудиться. Например, в Московском университете оставались на преподавательской работе И. М. Гольдштейн, А. А. Мануйлов, Н. А. Каблуков, З. С. Каценеленбаум, Н. П. Макаров, А. В. Чайнов. В Петроградском университете читали лекции С. И. Солнцев, В. В. Святловский, И. М. Кулишер, М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий, В. Шарый, Е. Энгель и др. Профессорами-аграрниками А. В. Чайновым, А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым, А. А. Рыбниковым в 1917 г. был разработан проект создания «Высших семинариев сельскохозяйственной экономики и политики» при сельскохозяйственных школах. Весной 1919 г. первый из них был открыт при Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

Руководителями проводимых семинарием работ являлись С. Н. Прокопович, Н. Шапошников, Л. Н. Литошенко, Н. Д. Кондратьев и др. На практической работе особенно широко использовались экономисты прежней формации в учреждениях Госплана, Госбанка, Наркомзема и Наркомата финансов. Так, в конце 1918 г. был создан Институт экономических исследований (его Петроградское отделение) при Народном комиссариате финансов. Московское отделение открылось несколько позднее — в сентябре 1919 г. Там работали В. Я. Железнов, З. С. Каценеленбаум, А. Соколов, К. Шмелев, С. Воронин, Е. С. Лурье и др. Принося безусловную пользу в качестве органа научной консультации по вопросам практической организации советских финансов и денежного обращения, ученые института с самых первых дней его работы выражали отрицательное отношение ко многим принципиальным вопросам экономической политики советской власти. Так, они выступали за частную инициативу, как основную форму организации общественного хозяйства, против введения продразверстки в годы военного коммунизма и т. д.

Особенно резко возражали буржуазные экономисты против политики тотальной национализации и рабочего контроля. Об этом свидетельствовали, в частности, выступления В. И. Гриневецкого, А. Долгова, С. Н. Прокоповича, А. В. Чайнова, Л. Б. Кафенгауза на Первом Всероссийском кооперативном съезде (февраль 1918 г.), подготовка к которому началась еще до революции.

Примером огромной практической значимости, которую имели многие труды дореволюционных ученых и специалистов, является книга профессора В. И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», изданная в 1919 г. в Харькове. Он не был профессиональным экономистом, по основному

роду занятий являлся специалистом в области теплотехники. В своей книге автор не скрывал негативного отношения к новой власти. Однако проблемы экономического возрождения страны его крайне волновали, и он старался найти наиболее эффективный путь к их решению.

В книге содержался глубоко проработанный план восстановления и реконструкции экономики России. К ней проявили большой интерес в правительственных кругах. В 1922 г. вышло второе ее издание с предисловием коммуниста В. Н. Сарабьянова, в котором он справедливо отметил, что «по такому важному вопросу, как хозяйственный план, мы имеем только одну книгу профессора Гриневецкого». Под влиянием этой работы В. И. Ленин, прочитавший ее, форсировал создание государственной комиссии по электрификации России, которая и разработала известный план ГОЭЛРО. В его составлении принимали участие в основном дореволюционные специалисты.

Одним из наиболее ярких примеров решения учеными-экономистами и практиками сложнейших народнохозяйственных проблем, стоявших в тот период перед страной, служит успешное проведение в 1922–1924 гг. денежной реформы, в ходе которой удалось создать устойчивую денежную систему, при этом без каких-либо внешних кредитов, без какой-либо помощи извне.

Важно отметить, что 1920-е годы были весьма насыщены поисками решения научных и практических экономических проблем, стоявших перед страной. Свидетельством тому являются многочисленные научные дискуссии того времени. Назовем в качестве примеров такие дискуссии, как: о методах народнохозяйственного учета; о золотом и «товарном» рубле; о законе стоимости в советском хозяйстве; о регуляторах советской экономики; о хозяйственном расчете; о природе советской торговли. При этом практически все они не носили отвлеченный характер, а были направлены на решение вполне конкретных хозяйственных проблем. Не были забыты и методологические вопросы экономической науки, о чем свидетельствует проходившая в течение всех 20-х годов дискуссия о предмете и методе политической экономии. Не случайно иногда это десятилетие называют «золотым веком» советской экономической мысли.

В этих дискуссиях принимали участие ученые различных школ и течений, занимавшие подчас противоположные методологические и теоретические позиции по обсуждавшимся проблемам. И решение проблем, как правило, находилось. Однако именно в указанное десятилетие происходит превращение марксизма в господствующее учение, и к началу 1930-х годов в общественных науках, в том числе и в экономической, утверждается его абсолютная монополия. Сам марксизм начинает выступать в догматизированном, а в значительной степени и в искаженном варианте.

Итак, очевидно, что ученые-экономисты дореволюционной формации вносили большой позитивный вклад в развитие научной мысли и решение насущных проблем хозяйствования советской России 1920-х годов. Ситуация складывалась таким образом, что, с одной стороны, новая власть не могла обойтись без ученых и специалистов немарксистской ориентации, а с другой — не могла не вступить с ними в жесткое идеологическое противоборство, поскольку видела в их взглядах и настроениях немалую угрозу для идеологической монополии, на которую большевики стали претендовать с первых же послереволюционных дней.

Несмотря на официально заявленную позицию руководства страны о бережном отношении к дореволюционным ученым и специалистам, реально они постоянно ощущали и недоверие, и подозрительность, а нередко и враждебность. Особенно обострилась ситуация в период перехода к новой экономической политике, когда наряду со значительной либерализацией в экономике была допущена некоторая либерализация и в идеологии. Многие в стране и за границей восприняли нэп как отступление от коммунистического идеала и признание невозможности решать задачи хозяйственного строительства с помощью социалистических принципов, т. е. посчитали, что отказ от политики военного коммунизма является началом буржуазного перерождения Советского государства. В связи с этим ученые немарксистской ориентации активизировали научную и публицистическую деятельность. В то время открывались частные издательства, возрождались и возникали новые газеты, журналы и альманахи. В различных изданиях стали появляться публикации с более или менее выраженной антимарксистской направленностью. Наиболее известным примером такого рода изданий могут служить журналы «Экономист» и «Экономическое возрождение».

С таким положением вещей коммунистическая власть мириться не могла. Ряд изданий, в частности только что упомянутые журналы, были закрыты. Более того, ученые, в чьей лояльности власти могли сомневаться, были высланы из страны. Характерно, что это были не только обществоведы, но и математики, зоологи, биологи. Общее их число составило около 200 человек. Так Россия лишилась большей части своего интеллектуального и научного потенциала. Среди ученых-экономистов, высланных из страны, были А. Булатов, Б. Д. Бруцкус, С. Н. Булгаков, А. Изюмов, Б. Кудрявцев, А. Лодыженский, С. Н. Прокопович и др. Информация о высылке была опубликована в газете «Правда» 31 августа 1922 г. и называлась весьма симптоматично — «Первое предостережение». Л. Д. Троцкий в интервью американской журналистке Луизе Брайан объяснял: «Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на наше миролюбие, не исключены — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. И мы будем вынуждены расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» [Костилов, 1990, с. 158].

Такова краткая история того, каким образом и почему большая часть виднейших отечественных ученых-экономистов оказалась за пределами Отечества. Это была невосполнимая потеря для интеллектуального и научного потенциала России XX в.

2. В изгнании

Оказавшись за границей, русские ученые относительно легко адаптировались в европейской научной среде, поскольку многие из них были хорошо известны в Европе. Еще со времен Петра I в России существовала практика командирования на научные стажировки выпускников крупных университетов, которых готовили

к профессорской деятельности в западные научные центры. Как правило, они поддерживали с зарубежными учеными творческие и дружеские связи.

Русские профессора читали лекции европейским студентам. Такие ученые, как С. Л. Виноградский, В. К. Агафонов, К. Н. Давыдов, П. А. Сорокин возглавляли кафедры европейских университетов и целые научные направления. Например, только в Парижском университете на юридическом факультете работали 16 русских ученых, которые проводили занятия по русскому и советскому праву, по проблемам развития советской экономики. Так, А. Н. Анциферов вел курс «Экономическая структура Советской России», А. М. Михельсон — «Русские финансы», С. О. Загорский — «Русские экономические отношения с Западом» [Сутырин, 1989, с. 17].

Русские ученые, как и остальные русские эмигранты, старались сохранить свою национальную идентичность. Они открывали не только православные храмы и приходы, но и собственные научные и учебные центры, издавали научные и общественно-политические журналы. Труды печатались на русском и европейских языках. С 1921 по 1952 г. за границей вышло в свет более 170 периодических изданий на русском языке, в основном по истории, праву, философии, культуре, экономике [Жуковская].

Прежде всего научные интересы эмигрантов были сосредоточены на изучении и осмыслении тех процессов, которые происходили в экономической и политической жизни нашей страны. Не все работы ученых-эмигрантов и не всегда носили в полной мере объективный характер, но, тем не менее, в большинстве своем они представляли собой интересные экономические обзоры, аналитические статьи и публицистические очерки. Издавались и целые монографии. В среде ученых проводились интересные дискуссии, например, по вопросам о крестьянской общине и крупнейших аграрных реформах в России. И сегодня многие из этих трудов не утратили своего научного и исторического значения.

Как указывал один из историков русского зарубежья С. П. Постников, «имея в своем составе много ученых и вообще образованных людей, эмиграция развила большую культурную работу. Во всех странах были организованы Русские академические группы. Число ученых в 20-х годах превышало 500 человек (среди них 5 академиков, 140 профессоров университетов и высших учебных заведений и более 300 научных работников), а за 35 лет на научном поприще, по расчету П. Е. Ковалевского, трудилось не менее тысячи русских научных работников. Силами этих ученых и при поддержке славянских государств и меценатов были созданы многочисленные русские высшие учебные заведения и ученые общества» [Корицкий, Нинциева, 2000, с. 7].

Среди крупных научных центров, где трудились русские ученые, следует указать Статистический институт экономических исследований при Софийском университете, Институт изучения России в Праге, Русский научный институт в Белграде, Франко-русский институт, Русский высший технический институт, Русский научный институт в Париже и ряд других.

Из русских исследовательских центров, созданных учеными-эмигрантами, заметно выделялся «Экономический кабинет Прокоповича», основанный в Берлине в 1922 г. В 1924 г. из-за проблем с финансированием этот исследовательский центр переместился в Прагу. В составе его научного коллектива были такие крупные экономисты, как А. М. Байков, Б. Д. Бруцкус, С. О. Загорский, Л. М. Пумпянский,

П. Б. Струве и др. Кабинет выпускал собственный журнал «Экономический вестник». Практически это был преемник журнала «Экономист». Он вышел тремя номерами в Советской России в 1921 г. и вскоре был закрыт за его антимарксистскую направленность.

В начале 1920-х годов в Лондоне было создано Русское экономическое общество, в состав которого вошли представители английских предпринимательских кругов и правительственных учреждений и русских ученых-экономистов. По существу русские ученые-эмигранты дали новую жизнь процессу изучения России на Западе, которое и раньше осуществлялось европейскими учеными, но не в таких масштабах.

Первым научным центром по изучению России в Европе стала «Школа русских исследований», открытая в 1907 г. при Ливерпульском университете (Великобритания). В 1913 г., т. е. незадолго до начала Первой мировой войны, в Германии возникло «Немецкое общество по изучению России», нацеленное на всестороннее изучение социально-экономических и политических проблем России. В 1915 г. при Лондонском университете была открыта «Школа славянских исследований», ставшая вскоре весьма крупным исследовательским центром по изучению России. Постепенно интерес к подобного рода исследованиям стал проявляться и в других западных странах, в том числе и в США. С появлением же известных ученых-эмигрантов из России возможности изучения русской проблематики намного возросли. И западные правительственные и научные круги не преминули этим воспользоваться. Постепенно теперь уже во многом совместная работа русских и европейских специалистов по России превратилась в так называемые советологические исследования.

Как известно, советология на протяжении всей своей истории выполняла две основные функции — прагматическую и идеологическую. И с точки зрения решения этих задач работы русских ученых-эмигрантов представляли большую ценность, ибо, с одной стороны, во многих из них была представлена достаточно объективная картина состояния дел в экономике и политике советской России, а с другой — из-под пера русских ученых выходило немалое количество работ чисто идеологического характера с весьма высоким уровнем критического накала, направленного и против большевиков, и против советской власти в целом. Поэтому не возникает сомнений в том, что деятельность русских ученых-эмигрантов внесла весомый вклад в становление и развитие советологии.

Какие же задачи ставили перед собой ученые-эмигранты? Об этом они совершенно определенно указывали в своих трудах. В частности, Б. Д. Бруцкус писал так: «...создать верную общую концепцию русского народного хозяйства, дать правильную оценку действующей системе есть обязанность, возложенная судьбой на нас, зарубежных экономистов. Только мы, свободные от тисков коммунистической цензуры, могли бы выполнить эту важную задачу, которой наши коллеги в России по внешним условиям своей работы надлежащим образом выполнить не в состоянии» [Бруцкус, 1990, с. 408].

3. Основные идеи ученых-экономистов русского зарубежья

Экономическая наука русского зарубежья по своим концептуальным основаниям была так же неоднородна, как и в дореволюционный период в России. Мы не случайно в начале настоящего очерка указывали на существование в России в дореволюционные годы трех основных направлений отечественной экономической науки. В равной степени они проявились и в заграничных исследованиях русских ученых. Г. В. Нинциева [2004] совершенно обоснованно выделяет в своих работах *либеральное, народническое и социал-демократическое направления*.

Исследуя состояние и проблемы советской экономики, представители практически всех направлений обращались к основным экономическим, общественным и политическим институтам, анализируя, тем самым, и материальные, и нематериальные факторы социально-экономических процессов, происходивших в политической, социальной и экономической жизни СССР. При этом еще раз отметим, что для их трудов нередко был характерен весьма высокий эмоциональный фон, на котором проводились исследования и давались оценки освещаемым фактам и событиям. Отчасти краски сгущались потому, что оценки и характеристики строились на основе той действительно крайне сложной социально-экономической и политической обстановки, которая, в том числе и в силу объективных обстоятельств, существовала в России в период революции и Гражданской войны. Тем не менее все беды и проблемы российской экономики того времени, как правило, связывались исключительно с деятельностью новой власти. При этом, естественно, из-за различий в мировосприятии и социальных ориентирах они нередко не только по-разному, но и кардинально противоположно трактовали и оценивали одни и те же социально-экономические и политические явления.

Начнем с *либерального направления*. Оно было представлено прежде всего такими учеными, как Б. Д. Бруцкус, Н. Н. Зворыкин, С. Н. Прокопович, П. Б. Струве. Основной характеристикой их научных позиций являлись полное неприятие марксизма и незыблемая вера в неосуществимость социализма как общественного строя. Как представляется, эти суждения во многом способствовали убеждению части российской и зарубежной общественности в том, что советская власть — это явление достаточно временное и Россия вскоре вернется в лоно прежнего социально-экономического строя.

В частности Б. Д. Бруцкус, еще находясь в России, в 1921 г. в журнале «Экономист» опубликовал большую статью «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», в которой доказывал принципиальную несостоятельность идеи построения социализма. Тем самым он внес свой вклад в теорию логической и практической неосуществимости социализма. Позднее, уже будучи в Берлине, Б. Д. Бруцкус признавал: «Под этим заглавием я скрыл свою теоретическую критику системы научного социализма». Он был глубоко убежден, что «экономическая проблема марксистского социализма не разрешима, что гибель социализма неизбежна, что строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушить» [Бруцкус, 1990, с. 176].

Отметим, что в зарубежной литературе основополагающую роль в разработке такого концептуального подхода к характеристике и оценке социализма необоснованно связывают с именами Л. фон Мизеса и Ф. Хайека. В действительности данная

теория достаточно четко была сформулирована П. Б. Струве еще в дореволюционные годы.

Еще будучи членом РСДРП, в 1901 г. он опубликовал статью «Против ортодоксальной нетерпимости — pro domo sua», прямо направленную против марксизма в целом, который он характеризовал как максимализм. Он писал тогда: «Догматически выступающий ортодоксальный марксизм мнит себя обладающим безошибочным знанием единственно действительных и потому правильных средств для достижения данной практической цели — общественной справедливости» [Струве, 1994, с. 133]. С тех пор П. Б. Струве не просто разочаровался в марксизме — он стал его непримиримым противником. Абсолютно несостоятельной представлялась для него уже в то время и идея построения социализма, как он писал, «лживого идеологически и бесплодного практически». Идея социализма была не приемлема для него со всех точек зрения: с религиозно-метафизической, так как она покоится на мифе о «земном рае»; с политической, поскольку социализм, по его глубокому убеждению, не приемлет политической свободы; наконец, с социально-экономической, ибо, устраняя экономическую свободу, социализм неизбежно приводит к низкому уровню жизни людей и полному экономическому и политическому закреплению трудящихся со стороны государства. Он утверждал, что такой строй сможет существовать довольно продолжительное время, но только на принципах насилия.

В статье «Итоги и существо коммунистического хозяйства», которая вышла в свет в 1921 г., он писал: «...социализм как обобществление хозяйства, как мыслимый метод наиболее рационального устройства хозяйственной жизни, и социализм как уравнительный идеал — несовместимы друг с другом. Кто гонится за уравнительностью, тот теряет или губит хозяйственность, кто стремится к хозяйственности, тем самым должен отказаться от уравнительности». Он полагал, что в этом заключена «живая трагедия социализма» [Струве, 1994, с. 167]. Эти представления Струве сохранял на протяжении всей своей дальнейшей жизни.

Он не приемлет и марксистской идеи диктатуры пролетариата, и чем дальше, тем в большей степени, особенно в ленинской ее трактовке. В. И. Ленин писал: «Диктатура есть господство части общества над всем обществом и при том господство, опирающееся непосредственно на насилие» [Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 122]. Понятно, что для либерала Струве такая жесткость политической системы была абсолютно неприемлема.

Идеал либералов — это полная свобода личности, применительно к экономике — свобода предпринимательства. Для большинства представителей данного направления, кроме Б. Д. Бруцкуса, был характерен умеренный либерализм, не только не исключаящий, но даже предполагающий государственную экономическую деятельность. Наиболее характерны в этом отношении взгляды П. Б. Струве. Он сам называл свои экономические представления «либерально-консервативными», что означало для него необходимость сочетания свободы и власти. Он был государственным и консерватором в хорошем смысле этого понятия и всегда придерживался традиционной для отечественной экономической науки идеи действительного участия государства в экономике, не препятствующего, однако, частной инициативе и не разрушающего рыночных институтов. Роль государства он видел, прежде всего, в создании «властно-правовой среды» в соответствии с «потребностями и желаниями населения» [Струве, 1952, с. 327].

Необходимым атрибутом эффективной системы хозяйствования либералы считали институт частной собственности. П. Б. Струве писал, что «социализм требует, во-первых, равенства людей (эгалитарный принцип). Социализм требует, во-вторых, организации всего народного хозяйства, в частности, процессов производства. Требует и того, и другого, и одного — во имя другого. Но оба эти начала в своем полном или конечном осуществлении противоречат человеческой природе и оба они, что, может быть, еще несомненное и важнее, противоречат друг другу. На основе равенства людей вы не можете организовать производство» [Струве, 1994, с. 152]. И далее он писал, что существуют два начала, на которых основывается всякое развивающееся общество. Это идея «ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности и идея расценки людей по их личной годности, в частности по их экономической годности. Хозяйственной санкцией и фундаментом этих двух начал всякого движущегося вперед общества, — подчеркивал он, — является институт частной, или личной собственности» [Струве, 1994, с. 152].

Большому сомнению подвергали представители либерального направления идею экономического планирования, которое должно было полностью заменить стихийные процессы рыночного регулирования экономики. Однако и в данном случае оценки этого экономического инструмента у ученых-либералов подчас существенно различались. Так, если в трудах Б. Д. Бруцкуса и П. Б. Струве мы находим по существу полное отрицание эффективности плановой деятельности государства, то С. Н. Прокопович склонен был давать ей более осторожные оценки. С одной стороны, он подробно описывает сильные стороны либеральной политики и высоко их оценивает. По его глубокому убеждению, «...борьба на товарном рынке приводит к прогрессу как техники производства, так и психики ведущих производство хозяев... Она воспитывает в хозяйствующем индивидууме внимание и предусмотрительность, расширяет его кругозор, пробуждает интерес к явлениям и процессам на национальном и даже международном рынке, от которых зависят судьба и доходность его хозяйства, развивает волевую активность и быстроту реакции на перемены окружающей обстановки, способность к длительному нервному и физическому напряжению в работе, стимулирует личную предприимчивость, способность к хозяйственному расчету усиливает чувство индивидуальной ответственности» [Прокопович, 1952, с. 8]. С другой стороны, функционирование экономики в XX в. показало, что принцип *Lesse fair* эффективно уже не срабатывает, что пришла пора достаточно активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь общества. В связи с этим, по мнению С. Н. Прокоповича, возникла идея перспективного планирования и проведения государством других регулирующих мероприятий. Истоки идеи планирования он видел в организации частного хозяйства, поскольку в каждом из них каждая отдельная работа проводится в соответствии с заранее составленным планом. К началу XX в., как писал далее С. Н. Прокопович, под влиянием процессов монополизации в капиталистической экономике стали проявляться плановые тенденции, возникали черты «связанности». Но, поскольку единый хозяин по-прежнему отсутствует, экономика не может иметь единого плана, охватывающего все народное хозяйство. Поэтому он считал, что нельзя планировать рыночное народное хозяйство; государственная власть мерами экономической политики может лишь вмешиваться в его ход и развитие, влиять

на него; планировать она может только огосударствленные отрасли народного хозяйства [Прокопович, 1952, с. 12].

Положительно воспринимая регулирующую деятельность государства, С. Н. Прокопович предостерегал от опасности увлечения ею, поскольку существует целый ряд факторов, трудно поддающихся целевому воздействию и учету. Он писал: «Наше знание причин экономических явлений очень несовершенно, наша власть над ними очень ограничена. Поэтому в области экономической политики и хозяйственного планирования мы вынуждены очень широко применять экспериментирование и учиться на собственных ошибках» [Прокопович, 1952, с. 13]. Ну а как же воспринимал С. Н. Прокопович практику планирования, получившую широкое развитие в советской экономике? Надо сказать, что он очень внимательно изучал этот опыт, но приходил к неутешительным выводам. Так, говоря о причинах невыполнения заданий первой пятилетки, он отмечал, что они состоят, во-первых, в том, что советская промышленность была тотально национализирована. Во-вторых, существовала нехватка квалифицированных кадров — инженеров и рабочих. Он также говорил о постоянном стремлении власти «политизировать» хозяйственную жизнь и заменять формы и методы оперативно-хозяйственного управления мероприятиями политического принуждения и насилия. Наконец, в-третьих, он подчеркивал и такой недостаток советского планирования, как его директивный характер. В связи с этим он писал: «Всякое планирование в публично-правовом порядке имеет ту отрицательную сторону, что развитие народного хозяйства ставится при нем в зависимость не от развития умственных, волевых и вообще “хозяйственных” способностей населения, его трудоспособности, предприимчивости, расчетливости, предусмотрительности и т. д., а от разума и воли правительства. Не иссякнут ли источники личной инициативы и творческой мысли под тяжелой рукой власти?» [Прокопович, 1934, с. 83]. Увы, тут трудно с чем-либо не согласиться.

Итак, С. Н. Прокопович являлся весьма умеренным либералом. Об этом убедительно свидетельствует и программный документ, который он разработал еще в 1923 г., будучи одним из лидеров Республиканско-демократического союза, созданного представителями ряда демократических партий и движений за рубежом. При чтении документа становится ясно, что С. Н. Прокопович был сторонником республиканско-демократического устройства России с сильной, но ограниченной законом и ответственной перед обществом исполнительной властью, с независимым судопроизводством, с гарантированными правами человека, гражданским равноправием и демократическим местным самоуправлением. Как мы видим, это те нормы, к которым мы стремимся сегодня.

Как было сказано выше, среди русских ученых-экономистов, оказавшихся в эмиграции, были представители *народнического направления*, которое возникло в России еще в 60-е годы XX в. Его сторонники активно пропагандировали идею перехода России на социалистические принципы жизни, минуя капитализм. Их идейно-теоретическая борьба с защитниками развивавшегося в стране капитализма, как известно, не увенчалась успехом. К началу XX в. они утратили свое былое влияние на общественное сознание в России, но не ушли с исторической арены полностью, и когда в первом десятилетии XX в. в стране стали возникать политические партии, в народническом движении сформировались две ветви, оформившиеся в две основные политические партии — трудовую народно-со-

циалистическую партию (энесы), лидерами которой являлись Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, и партию социалистов-революционеров (эсеры), лидеры — В. М. Чернов, М. В. Вишняк, С. С. Маслов. Обе эти ветви были представлены и в экономических исследованиях ученых русского зарубежья. Несмотря на некоторые идеологические разногласия между членами партий, их объединяло негативное отношение к установившейся в Советской России системе, к ее основным социально-экономическим и политическим институтам.

Но были и исключения. Так, лидер энесов А. В. Пешехонов вполне позитивно оценивал ряд сторон социально-экономической и политической жизни в послереволюционной России, и в своих оценках, в отличие от большинства коллег, учитывал те сложности, которые объективно существовали в стране. Он считал, что преимущественно отрицательные оценки учеными-эмигрантами всех сторон экономической политики большевиков объясняются их слепой ненавистью к большевистской власти. Он писал о том, что ненависть к большевикам заслонила для многих эмигрантов всю Россию, что в силу этого они склонны негативно оценивать все стороны деятельности большевиков. Сам же А. В. Пешехонов прежде всего приветствовал институт общественной собственности на средства производства, утвердившийся в России, и, говоря в частности о широкой национализации, проведенной в стране, писал, что «идея национализации, даже в большевистских руках, блестяще себя оправдала», поскольку «за три-четыре года, если не весь, то в большей своей части, ущерб, нанесенный русскому народному хозяйству войной, революцией и “военным коммунизмом”, уже восполнен» [Пешехонов, 1925, с. 162]. Он одобрял также созданный в стране аппарат государственного планово-централизованного управления, отмечая его громоздкий и неуклюжий характер, но, тем не менее, вполне выполняющий свои регулирующие функции. И этому обстоятельству А. В. Пешехонов придавал особое значение, поскольку считал, что магистральный путь к социализму — это плановое государственное управление экономикой.

К несомненным заслугам новой власти в России А. В. Пешехонов относил и восстановление в стране стабильной государственной власти. «Да, — писал он, — большевики... сделали большое дело, и я прямо назову его: они восстановили русскую государственную власть [Пешехонов, 1923, с. 54]. Однако он указывал и на основной порок этой власти — «никакого вольномыслия не допускается. Всякая оппозиция подавляется» [Пешехонов, 1923, с. 68].

И потому он все-таки считал, что установленная большевиками власть хуже той, которую они разрушили, ибо запрещена многопартийность, отсутствуют сильные и самостоятельные экономические организации и кооперативы и т. д. Вместе с тем он утверждал, что созданные большевиками организационные формы могут быть использованы в будущей постбольшевистской России и потому призывал противников советской власти: «...не подрывайте еще раз авторитета государственной власти, потому что вновь его, пожалуй, не восстановите» [Пешехонов, 1923, с. 60]. Конечно, подобного рода представления не могли не вызвать, подчас даже весьма резкой, критики не только со стороны ученых либерального и социал-демократического направлений, но и со стороны народников. В данном случае речь может идти в первую очередь о лидере эсеров В. М. Чернове и М. В. Вишняке. Первый из них писал, что ничего положительного в созданной большевиками

государственности нет, поскольку один деспотический режим они заменили другим. Он называл установившийся в России строй «декретный социализм» и «декретинизм». Такое понимание новой власти в России обусловило абсолютное неприятие призыва А. В. Пешехонова, обращенного к русским эмигрантам, о необходимости возвращения на Родину, да еще и «с повинной». Наиболее гневный его критик, правый эсер М. В. Вишняк, писал в ответ на обвинения эмигрантов А. В. Пешехоновым в том, что в эмигрантской печати «подрывается авторитет советской власти» и дается «беспросветно-мрачная» информация о состоянии дел в Советской России: «Вовсе не потому наши статьи о России носили беспросветно-мрачный характер, что мы преднамеренно ко всему подходили с “подковыркой”, как предполагает Пешехонов, или — того хуже — с готовностью, чтобы “утопить большевиков — утопить Россию”. Нет, нам был чужд такой inferнальный план. Тем более чужд, что мы никогда не переставали различать между большевиками (режимом) и Россией. И если мы и сейчас всячески хотим “утопить большевиков”, то вовсе... не из “святой мести”, а в качестве неизбежного, на наш взгляд, условия и средства восстановления России» [Вишняк, 1925, с. 396–397].

Резкие оценки советской действительности можно найти в работах В. М. Чернова. Он категорически осуждал установившуюся в стране командно-административную систему и утверждал, что Россия «дала миру картину величайшего краха и развала всего, что было создано довоенной эпохой, картину величайшего экономического и культурного “опрощения”». Его основной вывод состоял в том, что в данном случае «мы имеем дело с социализмом императивным по форме и деструктивным по существу» [Чернов, 1997, с. 203].

Пожалуй, наиболее жестким критиком сложившейся в России системы в среде народников был М. В. Вишняк. Прежде всего, он рассмотрел такой институт советской власти, как диктатура, и дал ей вполне разумное объяснение, которое представляет несомненный интерес и сегодня. Он обратил внимание читателя на то, что идея диктатуры обладает определенным магнетизмом и притягательностью, особенно в условиях роста недовольства больших масс людей сложившимися условиями жизни. Она питает надежды на лучшее будущее, вселяет веру в возможности «сильной» власти обеспечить это будущее [Вишняк, 1929, с. 360–361].

Непременным же атрибутом всякой диктатуры является насилие, которое всегда оправдывается тем или иным образом властью имущими и выдается чуть ли не за благо. М. В. Вишняк полагал, что Россия — характерный тому пример, и писал в связи с этим: «Сойдя с трона, насильническая власть не ушла из жизни. Она лишь сменила свои регалии и символы власти: корону на шлем, державу — на пятиконечную звезду, скипетр — на связку прутьев, порфиру — на толстовку и черную рубашку» [Вишняк, 1929, с. 360–361]. Выход из этой ситуации — подлинная, а не мнимая демократия. Отрицая диктатуру во всех ее видах, она «утверждает себя в праве, на всеобщем признании права и на всеобщем предоставлении права» [Вишняк, 1929, с. 380]. М. В. Вишняк свято верил, что рано или поздно власть большевиков в России рухнет, потому что попирает право людей на свободу, на достоинство человека и даже на его жизнь. В отличие от многих ученых как в России, так и за ее пределами, М. В. Вишняк не усомнился в своих представлениях даже в период перехода к новой экономической политике, поскольку, как он утверждал, этот новый курс зиждился на весьма шатких политических, экономических и правовых осно-

ваниях. Главный аргумент в пользу его прогноза в данном случае состоял в том, что в целом большевики не отказались от идеи строительства социализма.

Уже в конце 1930-х годов, когда в СССР было объявлено о том, что в стране построен социализм, М. В. Вишняк опять-таки не принял этого утверждения. Он считал, что нельзя видеть социализм во всяком огосударствлении собственности, укрупнении производства, централизации распределения и регулировании обмена. В экономическом строе, который был создан в СССР к тому времени, он видел другое и характеризовал его так: «В нем борются и сочетаются элементы государственного капитализма и государственного рабства и крепостничества; точнее формулируя, это — строй государственного рабства и крепостничества, оживленных и оснащенных аппаратурой довоенного капитализма» [Вишняк, 1939, с. 330–331]. Это была, пожалуй, одна из самых жестких во всей эмигрантской литературе характеристика существовавшего в СССР общественно-экономического и политического строя, доходившая до крайности.

Экономическая идеология *социал-демократического направления* была представлена той частью русской социал-демократии, которая известна в нашей истории как меньшевизм. Основными идеологами социал-демократии в русском зарубежье были С. О. Загорский, А. М. Югов, Ст. Иванович, С. И. Гессен, Г. Д. Гурвич. Их отношение к событиям, происходившим в России с осени 1917 г., мало чем отличается от общих настроений, характерных для русской эмиграции первой волны. В большинстве своем их оценки экономической и политической жизни в России носили абсолютно негативный характер, при этом все проблемы народного хозяйства послереволюционной России они связывали исключительно с политикой большевиков. В частности, С. О. Загорский и А. М. Югов резко критиковали советское правительство за политику военного коммунизма, которая, конечно же, во многом носила ошибочный и разрушительный характер, но в основном была обусловлена обстоятельствами военного времени. Этому они признавать не хотели. Зато весьма своеобразно они оценили переход советской власти к новой экономической политике. Они увидели в ней, прежде всего, неуклонное движение страны в сторону капитализма. Такому пониманию нэпа С. О. Загорский специально посвятил работу «К социализму или капитализму?» [1927]. Как это ни странно, публикация относится к тому времени, когда в стране уже достаточно четко наметился курс на отход от нэпа. И, тем не менее, автор призывал читателей не верить утверждениям большевистских вождей о том, что эта политика носит временный характер. Он исходил из того, что естественные силы хозяйственной жизни взяли верх над экспериментами советской власти. Институты рыночной экономики оказались сильнее и эффективнее и по существу вытеснили административно-командные принципы хозяйствования. Тенденцию капитализации советской экономики С. О. Загорский увидел и в сельском хозяйстве (тогда еще не обобществленном), и в промышленности, и уж, конечно, в сфере торговли. Основной его вывод состоял в том, что под прикрытием лозунга о плановом хозяйстве в советской России происходит рост и укрепление товарно-капиталистических тенденций развития.

Весьма своеобразно представители социал-демократического направления оценивали плановую деятельность в советской России. Пример тому — труды А. М. Югова. В отличие от большинства своих коллег, он признавал, что, несмотря на неэффективную систему хозяйствования, экономика России все-таки развива-

ется. А одним из важнейших факторов, снижающих эту эффективность, как раз и является народнохозяйственный охват плановой деятельности. Он признавал возможность планирования лишь «основ экономики и отдельных областей», но не всего национального хозяйства. Идея единого центра управления всей экономикой страны была ему чужда, он считал ее утопичной, однако признавал определенную теоретическую ценность работы по ее реализации. В связи с этим он писал: «Как работы ассирийских астрологов и средневековых алхимиков, весьма далекие от реальной действительности и серьезной научности, однако легли в основу современной астрономии и химии, так, несомненно, не будут игнорироваться будущей наукой планового хозяйства и работы советских экономистов, несмотря на весь их утопизм и нереальность» [Югов, 1929, с. 2].

Краткие выводы

В настоящей статье мы попытались показать те исторические события в отечественной экономической науке в первые послереволюционные годы, которые оказали кардинальное влияние на ее дальнейшее развитие. Любая революция — это большое потрясение и испытание для народа, который ее переживает. Не стала исключением и Октябрьская революция 1917 г. в России. При этом не возникает сомнений в том, что при тех политических, экономических и социальных обстоятельствах, которые возникли в России в начале XX в., она была неизбежной. Нельзя не согласиться с великим русским философом Н. А. Бердяевым, который, так же как и многие русские ученые, был насильственно выслан из страны в 1922 г. Будучи уже в эмиграции, он писал: «Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения. И осуждением до революции господствующих слоев общества бывает то, что они довели до революции, допустили ее возможность. В обществе были болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию» [Бердяев, 1991, с. 11].

Большевики пришли к власти по существу на волне безвластия, со своей философией, со своей идеологией радикального характера, не допускавшими плюрализма мнений даже в науке, что само по себе противоестественно. Новая власть с самого начала активно проводила курс на монополизацию марксизма как единственно научного направления в общественных науках, что серьезно сужало возможности научного творчества отечественных ученых и нередко способствовало схоластике и догматизму.

Уже к концу 1920-х годов произошло искоренение из отечественной экономической науки каких-либо школ и направлений немарксистского толка. Более того, несмотря на то, что на первых порах В. И. Ленин утверждал, что «нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию», через непродолжительное время было сделано и это, поскольку ученые дореволюционной формации, как правило, не разделяли идеи построения социализма и не склонны были воспринимать марксизм как единственно научное мировоззрение. Все это, безусловно, нанесло большой урон отечественной экономической науке.

Оказавшись за рубежом, русские ученые старались не оставлять свою научную деятельность, стремились создать собственную научную инфраструктуру в виде научных и учебных центров, различного рода печатных изданий. Однако,

во-первых, это было сопряжено с большими финансовыми трудностями и привело к тому, что уже к началу 1930-х годов масштабы научной деятельности ученых русского зарубежья стали постепенно сужаться.

Во-вторых, сосредоточившись в основном на российской тематике, они были и организационно, и информационно оторваны от объектов исследований, и это, безусловно, затрудняло их работу. И наконец, в-третьих, на акценты в исследованиях и на оценку процессов, которые происходили в экономической и политической жизни России, так или иначе влияло абсолютное неприятие учеными-эмигрантами марксистской идеологии и советской власти как таковой.

Научная деятельность русских ученых за рубежом по изучению истории нашей страны, экономики и политики, отечественной литературы и культуры в целом, их научные знания и практический опыт научной работы оказали существенное влияние на формирование и развитие такого направления в западной социально-экономической и политической мысли, как советология, хотя сам по себе этот термин и вошел в обиход лишь после Второй мировой войны. В частности, исследования эмигрантов-экономистов внесли заметный вклад в решение советологией как сугубо прагматических задач, так и задач идеологического характера.

В экономической литературе русского зарубежья существовало большое многообразие оценок социально-экономических и политических процессов, происходивших в Советской России в послеоктябрьские годы. Это многообразие определялось тем, что русское экономическое зарубежье было представлено учеными и либерального, и народнического, и социал-демократического направлений. Наряду с объективной картиной жизни советской России в публикациях представителей всех этих направлений содержались и резко критические оценки и положения. Часть из них были вполне обоснованными, но было немало и таких, которые носили явно предвзятый характер. К сожалению, ни те, ни другие, как правило, не доходили до широкой, в том числе и научной, общественности нашей страны. Поэтому те, подчас полезные с точки зрения совершенствования практики хозяйствования, советы и рекомендации по изменению или развитию экономических, социальных и политических институтов в стране не могли быть ни услышаны, ни учтены в реальной жизни, ибо политический режим, существовавший в России, это полностью исключал.

Литература

- Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Власть и право. Л.: Лениздат, 1991. 242 с.
- Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство // Новый мир. 1990. № 8. С. 175–212.
- Вишняк М. В. На Родине и на чужбине // Современные записки. 1925. № 26. С. 396–397.
- Вишняк М. В. О диктатуре // Современные записки. 1929. № 39. С. 360–361.
- Вишняк М. В. О социализме советском и ином // Современные записки. 1939. № 64. С. 330–331.
- Жуковская Д. Причины и судьбы эмиграции после революции 1917 г. URL: www.historicus.ru (дата обращения: 05.04.2016).
- Загорский С. О. К социализму или капитализму? // Современные записки. 1927. № 30. 364–378.
- Знамение времени // Известия ВЦИК. 1920. 3 марта.
- Корицкий Э. Б., Нинцева Г. В. и др. Экономисты русской эмиграции. СПб.: Изд-во Юридик. Центр Пресс, 2000. 286 с.
- Костиков В. Изгнание из рая // Огонек. 1990. № 24. С. 14–16.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2.

- Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 127–164.
- Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «Империалистическом экономизме» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 77–130.
- Ницицева Г. В. Экономическая мысль русской эмиграции 20–50-х годов XX столетия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 208 с.
- Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1917 год. Пг., 1917.
- Пешехонов А. В. Опыт национализации // Воля России. 1925. № VIII. С. 126–134.
- Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин, 1923. 96 с.
- Прокопович С. Н. Идея планирования и итоги пятилетки. Париж, 1934. 78 с.
- Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2.
- Смена вех. Прага, 1921. №1.
- Струве П. Размышления о русской революции // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 151–155.
- Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 257 с.
- Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 257 с.
- Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 155–172.
- Сутырин С. Ф. Советологические экономические теории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 134 с.
- Чернов В. М. Конструктивный социализм. Т. 1–2. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с.
- Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. Берлин, 1929.

Для цитирования: Богомазов Г. Г. Российская экономическая наука в условиях эмиграции 1920–1930-х годов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 85–105. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.205

References

- Berdiaev N. A. *Filosofia neravenstva. Pis'ma k nedrugam po sotsial'noi filosofii* [The Philosophy of Inequality: Letters to my Contemners, Concerning Social Philosophy]. *Russkoe zarubezh'e. Vlast' i pravo*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 242 p. (In Russian)
- Brutskus B. D. *Sotsialisticheskoe khoziaistvo* [Socialist economy]. *Novyi mir*, 1990, no. 8, pp. 175–212. (In Russian)
- Vishniak M. V. *Na Rodine i na chuzhbine* [At home and in foreign lands]. *Sovremennye zapiski*, 1925, no. 26, pp. 396–397. (In Russian)
- Vishniak M. V. *O diktature* [About dictatorship]. *Sovremennye zapiski*, 1929, no. 39, pp. 360–361. (In Russian)
- Vishniak M. V. *O sotsializme sovetskom i inom* [About Soviet socialism and other]. *Sovremennye zapiski*, 1939, no. 64, pp. 330–331. (In Russian)
- Zhukovskaia D. *Prichiny i sud'by emigratsii posle revoliutsii 1917 g.* [Causes and destiny of emigration after the revolution of 1917]. Available at: www.historicus.ru (accessed 05.04.2016). (In Russian)
- Zagorskii S. O. *K sotsializmu ili kapitalizmu?* [Towards socialism or capitalism?]. *Sovremennye zapiski*, 1927, no. 30, pp. 364–378. (In Russian)
- Znamenie vremeni [The sign of the time]. *Izvestiia VTsIK*, 1920, 3 marta. (In Russian)
- Koritskii E. B., Nintsieva G. V. i dr. *Ekonomisty russkoi emigratsii* [Economists of the Russian emigration]. St. Petersburg, Iuridich. Tsentr Press, 2000. 286 p. (In Russian)
- Kostikov V. *Izgnanie iz raia* [Expulsion from paradise]. *Ogonek*, 1990, no. 24, pp. 14–16. (In Russian)
- KPSS v rezoliutsiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK* [The CPSU in the resolutions and decisions of the congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, 1970, vol. 2. (In Russian)
- Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» [Original version of the article “the immediate tasks of the soviet government”]. Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, vol. 36, pp. 127–164. (In Russian)
- Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «Империалистическом экономизме» [A Caricature of Marxism and Imperialist Economism]. Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, vol. 30, pp. 77–130. (In Russian)

- Nintsieva G. V. *Ekonomicheskaiia mys' russkoi emigratsii 20–50-kh godov XX stoletiiia* [The Economic thought of Russian emigration, 20–50s of the 20th century]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2004. 208 p. (In Russian)
- Otchet o deiatel'nosti Rossiiskoi Akademii nauk za 1917 god* [The report of activity Russian Academy of science in 1917 year]. Petrograd, 1917. (In Russian)
- Peshkhekhonov A. V. Opyt natsionalizatsii [The Experience of nationalization]. *Volia Rossii*, 1925, no. VIII, pp. 126–134. (In Russian)
- Peshkhekhonov A. V. *Pochemu ia ne emigriroval?* [Why I did not emigrate?]. Berlin, 1923. 96 p. (In Russian)
- Prokopovich S. N. *Ideia planirovaniia i itogi piatiletki* [The idea of planning and results of the five-year period]. Paris, 1934. 78 p. (In Russian)
- Prokopovich S. N. *Narodnoe khoziaistvo SSSR* [The national economy of the USSR]. New York, 1952, vol. 1–2. (In Russian)
- Smena vekh* [Change of milestones]. Praha, 1921, no. 1. (In Russian)
- Struve P. Razmyshleniia o russkoi revoliutsii [Reflections on the Russian Revolution]. *Obraz budushchego v russkoi sotsial'no-ekonomicheskoi mysli kontsa XIX — nachala XX veka. Izbrannye proizvedeniia*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 151–155. (In Russian)
- Struve P. B. Proshloe, nastoiashchee, budushchee [Past, Present, Future]. *Struve P. B. Izbrannye sochineniia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 257 p. (In Russian)
- Struve P. B. Sotsial'naia i ekonomicheskaiia istoriia Rossii s drevneishikh vremen do nashego, v sviazi s razvitiem russkoi kul'tury i rostom rossiiskoi gosudarstvennosti [Social and Economic History of Russia from the Ancient Times to the Present, in Connection with the Development of Russian Culture and the Growth of Russian Statehood]. *Struve P. B. Izbrannye sochineniia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 257 p. (In Russian)
- Struve P. B. Itogi i sushchestvo kommunisticheskogo khoziaistva [The End Results and the Essence of the Communist Enterprise]. *Obraz budushchego v russkoi sotsial'no-ekonomicheskoi mysli kontsa XIX — nachala XX veka. Izbrannye proizvedeniia*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 155–172. (In Russian)
- Sutyryn S. F. *Sovetologicheskie ekonomicheskie teorii* [Sovietological economic theories]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1989. 134 p. (In Russian)
- Chernov V. M. *Konstruktivnyi sotsializm* [Constructive socialism], vol. 1–2. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 670 p. (In Russian)
- Iugov A. *Narodnoe khoziaistvo Sovetskoi Rossii i ego problemy* [The national economy of the Soviet Russia and its problems]. Berlin, 1929. (In Russian)

For citation: Bogomazov G. G. Russian Economic Science during Emigration of 1920–1930s. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 5. Economics*, 2016, issue 2, pp. 85–105. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.205

Статья поступила в редакцию 21 марта 2016 г.

Статья рекомендована в печать 5 мая 2016 г.